

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 351.75

ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ: ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ

А. В. Гусев

кандидат юридических наук, доцент,

начальник кафедры конституционного права

Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

И. А. Болотова

следователь отделения по раскрытию имущественных преступлений отдела по расследованию преступлений на территории Орджоникидзевского района Следственного управления УМВД России по г. Пермь

Появление новых составов преступлений с административной преюдицией обуславливает неослабевающий исследовательский интерес к данной проблематике. В этой связи в статье рассматриваются проблемные вопросы конструирования составов преступлений с административной преюдицией. Сформулированные выводы и отдельные рекомендации направлены на совершенствование правоприменительной деятельности правоохранительных органов, а также развитие законодательства в исследуемой сфере. Авторами предпринята попытка исследования преюдиционного потенциала составов административных правонарушений в рамках расширения границ применения механизма преюдиции за пределами уголовно-правовых отношений.

Ключевые слова: административная преюдиция, соотношение административной и уголовной ответственности, дисциплинарная преюдиция.

Несмотря на имеющиеся многочисленные исследования в сфере законодательной регламентации механизма преюдиции (только административной) [1–4], рассматриваемый институт по-прежнему разработан не в полной мере. При этом отдельные проблемные вопросы толкования и реализации административно-преюдициальных норм в рамках современного российского законодательства не имеют окончательного и эффективного разрешения. Считаем необходимым сделать акцент на некоторых из них.

Традиционное понимание административной преюдиции в современной юридической науке неразрывно связано с уголовным законодательством, однако подобные механизмы реализуются и в рамках законодательства об административных правонарушениях. В этой связи считаем возможным рассмотреть вопросы преюдиции более широко и проанализировать некоторые составы административных правонарушений, в структуре которых состояние административной наказанности положено в основу привлечения виновного лица к ответственности за совершение более общественно вредного правонарушения. При этом рассмотрение указанных правонарушений под знаком административной преюдиции или выделения таких преюдициальных составов в иной административно-правовой институт в определенном смысле создает искусственную коллизионность, но авторы сознательно идут на некоторую противоречивость рассматриваемых положений.

Обозначим некоторые статьи, которые содержат в себе подобные нормы. Так, ч. 5 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) устанавливает административную ответственность за деяния, которые закреплены в рамках ч. 3 этой же статьи, совершенные лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение более двух раз. Интересно отметить, что ч. 3 вышеуказанной статьи запрещает распро-

странять в информационно-телекоммуникационных сетях (а также в сети Интернет) информацию, выраженную в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, содержит явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. Для установления признаков данного правонарушения необходимо исключить как минимум два обстоятельства, прямо закрепленных в дефиниции: отсутствие признаков ст. 20.3.1 КоАП РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) и отсутствие в действиях состава преступления. В ч. 4 этой же статьи содержится признак повторности совершения деяния по ч. 3, а уже ч. 5 закрепляет совершение аналогичного деяния в состоянии подверженности административному наказанию [5].

Подобные нормы можно встретить и во многих других статьях административного законодательства, в частности ч. 2 ст. 14.9, ч. 2 ст. 14.54, ч. 5.1 ст. 15.25, ч. 3 ст. 19.7.1, ч. 6.1 ст. 19.30, ч. 9 ст. 19.33 КоАП РФ. Однако подчеркнем, что содержание института административной преюдиции раскрывается через соотнесение с отраслью уголовного права: преюдициальная связь нескольких (чаще всего двух) аналогичных административных правонарушений, последнее (по времени) совершенное из которых признается на законодательном уровне преступным в силу повторности его совершения. Поэтому административные правонарушения, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию, при буквальном толковании нельзя относить к институту административной преюдиции, анализируемому в рамках данного исследования. Здесь можно говорить об использовании преюдиции в производстве по делу об административном правонарушении, тем самым обозначить преюдициальный потенциал законодательства об административных правонарушениях. Так, ст. 4.6 КоАП РФ закрепляет особое состояние лица, виновного в совершении административного правонарушения, в этот период лицо претерпевает определенные неблагоприятные последствия подобно институту судимости в уголовном праве. Также в п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ повторное совершение однородного административного правонарушения в состоянии административной наказанности признается обстоятельством, отягчающим административную ответственность. При этом важно отметить, что преюдиция в производстве по делу об административном правонарушении дает отсылку на однородное административное правонарушение, а не на аналогичное. Преюдициальное значение в этом случае имеет не конкретное деяние, закрепленное в рамках одной статьи, а правонарушение с единым родовым объектом посягательства.

Важно заметить, что расширение границ применения механизма преюдиции за рамки уголовно-правовых отношений не является чем-то исключительным с точки зрения мирового законодательного опыта. Необходимо отметить, что составы преступлений с административной преюдицией содержатся и во многих зарубежных странах. В частности, применение административной преюдиции в уголовном законодательстве характерно для Беларуси, Узбекистана, Таджикистана и ряда других стран.

Обратим внимание на составы преступлений с административной преюдицией, которые отсутствуют в законодательстве России. Так, ст. 177.1 Уголовного кодекса Республики Беларусь закрепляет ответственность за незаконные действия по усыновлению (удочерению) детей [6]. Субъект по данной статье специальный — лицо, совершившее объективную сторону указанного состава преступления в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Статья 139 Уголовного кодекса Республики Узбекистан устанавливает ответственность за клевету. При этом диспозиция статьи не указывает конкретно на специальный субъект состава, а больше опирается на объективную сторону деяния (клеветы): «совершенная после применения административного взыскания за такие же действия» [7]. Статья 192 Уголовного кодекса Респу-

блики Таджикистан предусматривает ответственность за нарушение правил пожарной безопасности специальным субъектом — лицом, на котором лежала обязанность по соблюдению данных правил, при совершении деяния в течение года после применения административного наказания [8]. Также ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь и аналогичная норма ст. 153 Уголовного кодекса Республики Таджикистан закрепляют уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав лицом, находящимся в состоянии административной наказанности. Необходимо также обратить внимание на закрепление в ст. 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь в качестве одного из условий наступления уголовной ответственности за совершение деяния в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение. Тем самым в уголовное законодательство введены две правовые категории — административная и дисциплинарная преюдиция.

В этой связи важно обратить внимание на возможность законодательного закрепления дисциплинарной преюдиции в рамках законодательства Российской Федерации. Законодательство об административных правонарушениях содержит механизм трансформации административной ответственности в дисциплинарную для целого ряда категорий специального субъекта административной ответственности (ст. 2.5 КоАП РФ). В этой связи возникает вопрос о целесообразности упрощения статуса специальных субъектов в рамках административного законодательства с целью возникновения предпосылок привлечения их к уголовной ответственности за аналогичное административное правонарушение, трансформированное в дисциплинарный проступок, в период действия административной наказанности. Из законодательной формулировки составов преступлений с административной преюдицией следует, что привлечь такое лицо к уголовной ответственности по преюдициальному составу преступления на данный момент не представляется возможным. По сути, имеет место ситуация необоснованного освобождения специальных по административному законодательству субъектов от уголовной ответственности, устанавливается их привилегированное положение относительно других лиц, поскольку ответственность в рамках уголовного законодательства для этой категории субъектов наступает на общих основаниях. И это при том, что совершение ими преступлений с учетом их специального статуса влечет за собой повышенную степень ответственности (так, п. «о» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве отягчающего обстоятельства устанавливает совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел). Устранению рассмотренной правовой коллизии может способствовать установление категории «дисциплинарная преюдиция», сущность которой в целом аналогична административной преюдиции, что позволит решить вопрос о привлечении лиц с особым правовым статусом в рамках законодательства об административных правонарушениях к уголовной ответственности за совершение аналогичного правонарушения в период административной наказанности. Сказанное, безусловно, потребует дополнения положений ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также ст. 2.5 КоАП РФ, в рамках которых категории лиц, установленные в ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ, будут подлежать уголовной ответственности в случае совершения в период срока административной наказанности правонарушений, влекущих для них дисциплинарную ответственность. При этом нельзя забывать о том, что привлечение к уголовной ответственности за повторное совершение деяния возможно, если в уголовном законодательстве предусмотрен специальный состав преступления с административной преюдицией.

Преюдицию в административном производстве необходимо рассматривать в качестве элемента доказывания, позволяющего дополнительно не выяснять судье, должностному лицу, органу, полномочному рассматривать дело об административном правонарушении, факты, которые уже закреплены в мотивировочной части судебного акта по рассмотренному ранее делу в отношении того же лица. Преюдиция по делу об админи-

стративном правонарушении позволяет обеспечить стабильность и общеобязательность судебного решения, исключить возможный конфликт судебных актов, генерирует правовую определенность в рамках функционирования органов судебной системы.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в силу схожести материальной основы административного и уголовного права допустимо межотраслевое деление ответственности. Постоянное совершенствование и развитие института административной преюдиции свидетельствуют о нарастающей тенденции к межотраслевому взаимопроникновению. В рамках состава преступления административная преюдиция закрепляется при изложении характеристики субъекта. Принципиальное значение имеет личность виновного, который в силу воздействия на него имеющих место быть административно принудительных мер трансформирует и усиливает свою общественную вредность. Представляется, что изучению преюдициального потенциала законодательства об административных правонарушениях предстоит уделить еще некоторое внимание в рамках предстоящего глобального и принципиального перестроения материального и процессуального законодательства в данной сфере. Отметим, что в рамках административного производства также используются преюдициальные нормы, основание которых закреплено в ст. 4.3 и 4.6 КоАП РФ. При этом необходимо понимать, что административная преюдиция и преюдиция, используемая при производстве по делу об административном правонарушении, имея схожую правовую природу, все же отличаются при непосредственном их применении. Преюдиция в рамках законодательства об административных правонарушениях представлена в качестве элемента доказывания и обстоятельства, отягчающего административную ответственность, позволяет при повторности совершения однородного административного правонарушения не доказывать вновь обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда или иного уполномоченного принимать решение лица. Административная преюдиция связывает уголовное и административное право, позволяет трансформировать ответственность за аналогичные противоправные деяния, которые признаются преступными, в силу их совершения лицом в состоянии административной наказанности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Иванчин, А. В. Конструирование составов преступлений с административной преюдицией: proetcontra / А. В. Иванчин // Вестн. ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитар. науки. — 2012. — № 3. — С. 65–68.
2. Ишук, Я. Г. Административно-преюдициальное деяние и уголовный проступок в перспективной модели пробации [Электронный ресурс] / Я. Г. Ишук // Академическая мысль. — 2018. — № 2. — С. 55–59. — Режим доступа: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/010/368/829/AM_2_3_iyun_2018.pdf. — Дата доступа: 20.02.2021.
3. Эргашева, З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / З. Э. Эргашева. — М., 2018. — 215 л.
4. Карасев, А. Т. Механизм парламентского контроля в системе персональной конституционно-правовой ответственности членов Правительства Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Крысанов // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). — 2014. — № 2. — С. 3–14.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 30 дек. 2001 г., № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2021.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.
7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс] : 22 сент. 1994 г., № 2012-ХП. — Режим доступа: <https://lex.uz/docs/111457>. — Дата доступа: 20.02.2021.

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : 21 мая 1998 г., № 574. — Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325. — Дата доступа: 20.02.2021.

Поступила в редакцию 05.04.2021 г.

Контакты: gusev.1983.av@mail.ru (Гусев Андрей Владимирович),

rina-perm4@mail.ru (Болотова Ирина Алексеевна)

Gusev A. V., Bolotova I. A.

**THE SCOPE OF THE ADMINISTRATIVE PREJUDICE MECHANISM:
INTERPRETATION ISSUES**

The emergence of new offenses with an administrative prejudice determines the unrelenting research interest in this issue. In this regard, the article deals with the problematic issues of constructing corpus delicti with administrative prejudice. The formulated conclusions and individual recommendations are aimed at improving the law enforcement activities of law enforcement agencies, as well as developing legislation in the area under study. The authors made an attempt to study the prejudicial potential of administrative offenses within the framework of expanding the boundaries of the application of the prejudice mechanism outside of criminal law relations.

Keywords: administrative prejudice, the ratio of administrative and criminal liability, disciplinary prejudice.